

**Евгений
СВЕТЛАНОВ:**

"ЗЛОЙ ГЕНИЙ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОТЦОМ ПРИНЦА"

Труд - 1997 - 25 февр - 46
Как всегда, фестиваль «Русская зима» ознаменовался для Евгения Светланова концертом в Большом зале Московской консерватории. Он готовился к нему с особым подъемом, ведь задумано было исполнение Восьмой симфонии Густава Малера — сочинения, занимающего целый вечер и требующего тысячи участников! Тем не менее в напряженном расписании Евгения Федоровича нашлось «окошко» для журналиста. И вот мы сидим на даче маэстро, ловим скуное тепло камина (на улице за двадцать градусов). Однако речь Светланова и без того горяча — ведь он говорит о музыке, о своем оркестре, о своем любимом композиторе...

— Свой рабочий сезон я начал 20 августа 1996 года, и он оказался для меня вдвойне значимым. Ведь ровно 60 лет назад по решению правительства СССР был создан Государственный симфонический оркестр. В разные периоды коллективом руководили замечательные дирижеры: Александр Васильевич Гаук (мой консерваторский профессор), Натан Григорьевич Рахлин, Константин Константинович Иванов, из чьих рук я и принял оркестр. Второй особенностью сезона стало то, что я смог реализовать свою давнюю мечту: еще на консерваторской скамье я задумал дирижировать всеми симфониями Густава Малера.

— Почему именно Малер вас так привлекает? Ведь для многих поклонников вы являетесь непревзойденным интерпретатором прежде всего русской музыки.

— Вы правы, на ней я вырос. К тем же консерваторским годам относится замысел Антологии русской симфонической музыки в грамзаписи. Эту антологию мы завершили несколько лет назад.

Дело в том, что меня всегда привлекали крупные задачи. Ведь, так сказать, в обиходе находится лишь малая часть из того богатства, что создано поколениями композиторов. Даже у Чайковского мы знаем от силы одну треть написанного. Малера я полюбил давно и, как оказалось, на всю жизнь. Будучи студентами, мы разыгрывали его симфонии в чetyре и восемь рук. На концертной эстраде его музыка была запрещена, как и музыка великого предшественника Малера, тоже австрийца, Антона Брукнера. Они почему-то считались композиторами сомнительного в идейном отношении направления.

У Малера нет ни одной проходной ноты, он хватает тебя за душу, и этим сродни Скрябину, Рахманинову, конечно же, Чайковскому — который, кстати, очень высоко оценил его музыкантские качества, услышав Малера в качестве дирижера «Евгения Онегина» в Гамбурге. Значение музыки Малера и Брукнера интернационально. А вот при жизни, как это бывало и с Бахом, Шубертом, их творчество не получило признания. Жизнь обоим художникам оказалась очень трудна, Малер буквально сгорел от перенапряжения в 51 год. Брукнер на склоне лет ослеп и свою последнюю, Девятую симфонию писал по особой системе, на ощупь. Кстати, я недавно впервые для себя продирижировал ею в Голландии.

— Как живется оркестру? Согласно ли вы с точкой зрения Марка Захарова, что творческому коллективу, неизменно собирающему полные залы, государственная поддержка не нужна?

— Да, я слышал, что театр Марка Захарова, как сейчас принято говорить, в полном порядке — благодаря таланту, усилиям руководителя, труппы. Но вот что ка-

сается Госоркестра — тут я могу сказать мало утешительного. Мы потеряли спонсора: поддерживавший нас банк распался. Мы много гастролируем за рубежом — это дает возможность заработать. Но, конечно, надо искать мецената...

— Недавно в Москве — после 14-летнего перерыва — выступил с концертами заслуженный коллектив республики, Акаде-

мический симфонический оркестр Санкт-Петербургский филармонии. Интереснейшая программа — в основном из сочинений Шостаковича, настоящий парад дирижеров — Юрий Темирканов, Максим Шостакович, Марис Янсонс... Казалось бы, публика на люстрах должна висеть — однако партер на треть зиял пустыми местами. Что это — случайность или свидетельство утери общественного интереса к серьезному искусству?

— Вы меня удивили этим сообщением. Четыре года подряд мы выступали в том же Питере — там публика это оценила и как раз, по вашему выражению, висела на люстрах. А ведь петербуржцы — патриоты своего оркестра, после которого их, говорят, никакой другой оркестр уже не может удивить... Нет, то, о чем вы рассказали, может быть, просто промашка организаторов. Что касается меня, то падения интереса к симфонической музыке я не наблюдаю. И стою на этом категорически.

— Обнадежило ваше возобновившееся сотрудничество с Большим театром. Вы еще несколько лет назад заявили о своем намерении поставить «Псковитянку» Римского-Корсакова...

— Да, с этой оперы я начинал свой путь в Большом еще в 1954—1955 годах, и мне хотелось бы спустя время перекинуть своеобразную арку в моем творчестве — через эти годы... Постановщиками согласились стать режиссеры Иоаким Шароев и художник Сергей Бархин. В этих людей я верю, мы постараемся воссоздать произведение в самом чистом, значительном его виде. Если все будет хорошо, премьера состоится в конце нынешнего года.

Должен вам сказать и еще об одном своем намерении. Узнав, что в планах Большого театра стоит «Лебединое озеро», я захотел продирижировать несколькими

премьерными спектаклями. Но познакомился с новым прочтением, новым либретто балета, которое сделали Владимир Васильев с музыкальным критиком Анатолием Агамировым, и понял, что совесть мне не позволит принять участие в этом. У меня была ностальгия по чисто классическому варианту балета, но Васильев, оказывается, еще четверть века назад задумал совершенно новую концепцию — Злого Гения трансформировать в отца Принца, Одиллию убрать. Я написал Володе письмо, где все по-хорошему объяснил, надеюсь, он меня понял. Я ему пожелал удачи, но сам из этого предприятия ушел.

— С кем из выдающихся постановщиков вам хотелось бы сотрудничать?

— Я всегда мечтал (и мечта эта на определенном этапе осуществилась), поставить «Отелло» Верди с Б. Покровским. Может быть, судьба вновь сведет нас — пос-

эстрадным концертом по первому каналу, шла классическая нововодная программа. Там были представлены и опера, и балет, и симфоническая музыка — все на высочайшем уровне исполнения. Теперь ничего этого нет, упразднены даже двух-, трехминутные появления симфонического оркестра, обычные в прежние годы. Рок-поп начинает и заканчивает бал.

— Вы очень много работаете. А случаются ли паузы, когда удается, например, читать?

— Читаю ежедневно при любой рабочей загрузке — чаще на ночь. И не хаотично, а, так сказать, по темам. Недавно, например, прочел ряд книг по балету. А летом решил облегчить себе жизнь и «проглотил» всего Шелдона. Прекрасно написано. Притом, признаюсь вам, у меня большие долги по русской литературе. Я, например, не читал половины Достоевского. А теперь мне уже жена не разрешает...

— Правильно делает — вам и без Достоевского психологической нагрузки хватает. Телевизор, уж наверное, вовсе не смотрите?..

— Почему же? Только я предпочитаю традиционные передачи — «Клуб путешественников», «В мире животных», «Очевидное — невероятное». Смотрю спортивные трансляции, особенно люблю легкую атлетику. Вам это, может быть, покажется неожиданным, но я получаю удовольствие от «Поля чудес», когда его ведет Якубович. Однажды его не было, передачу вел кто-то другой, и она сразу потеряла свою привлекательность.

— А в музыке что еще, кроме академического искусства, интересует?

— С юности я любил симфоджаз. Готов слушать его без конца — не надоедает и не утомляет. Вообще не могу сказать, что популярная музыка меня отталкивает — разумеется, я говорю о талантливых образцах, а не о пошлости. Еще признаюсь вам в любви к так называемой советской массовой песне. Ведь и теперь, если собираются вместе люди среднего, старшего возраста, вы услышите эти песни, их не забыли.

— Более того, к ним все чаще обращаются современные поп- и рок-певцы.

— Это очень интересно и приятно. Вот еще одно доказательство того, что истинные ценности способны пережить безвременье. Нормальные эстетические устремления живы в людях, и я уверен, что культура в России не погибнет. Эта уверенность помогает жить.

...Через несколько дней состоится тот самый концерт, к которому с таким напряжением готовился Евгений Федорович. Музыкант и не подозревал, какое испытание ему предстоит. Заболел солист-певец — и вся огромная подготовительная работа оказалась перечеркнутой. Кто-то в такой ситуации потерял бы самообладание. Но не Светланов. В срочном порядке он заменил программу, сыграл с Владимиром Овчинниковым Первый фортепианный концерт Чайковского — и, конечно, Малера, только не Восьмую симфонию, а Первую.

Ну а 20 февраля в Большом зале Московской консерватории наконец-то состоялось исполнение «Симфонии тысячи участников».

Такое запоминается надолго: музыка словно возносила слушателей в несканзанную высь, пронизанную ослепительным, воистину божественным светом...

Сергей БИРЮКОВ.

Фото ИТАР-ТАСС.